

УДК 342.724.3.430.9

https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/32

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОТ 2 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА №19: НЕОБХОДИМОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ИЛИ ОЧЕРЕДНОЕ ПЛАНОВОЕ ВРЕДИТЕЛЬСТВО?

©**Иманкулов Т. И.**, ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-код: 3846-5907, д-р юрид. наук, засл. юрист Кыргызской Республики, Кыргызский национальный университет им. Жусуна Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, timur232007@mail.ru
©**Асилбеков А. Ы.**, ORCID: 0000-0002-6668-2687, Кыргызский национальный университет им. Жусуна Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, minura9500@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE KYRGYZ REPUBLIC UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE KYRGYZ REPUBLIC DATED FEBRUARY 2, 2017, NO. 19: THE NEED FOR IDENTIFICATION OR ANOTHER PLANNED SABOTAGE?

©**Imankulov T.**, ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-code: 3846-5907, Dr. habil., Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, timur232007@mail.ru
©**Asilbekov A.**, ORCID: 0000-0002-6668-2687, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, minura9500@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, существовавшему в Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 благодаря уголовно-правовой реформе 2012–2020 гг. с опорой якобы на понятия и концепции, выработанные правом как Европейского Союза, так и международного права, однако так и ни одного раза не примененного ни по одному уголовному делу в Кыргызской Республике за весь период действия данного Уголовного кодекса (с 1 января 2019 года до середины ноября 2021 года), когда вследствие принятия нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики (введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года №126) данный институт был ликвидирован. Авторы на основе анализа истории развития института уголовной ответственности юридических лиц по законодательству других стран международных конвенций приходят к выводу об абсолютной неприменимости, необоснованности, незаконности включения юридических лиц в качестве субъектов квазиуголовной ответственности и наказания в Уголовный кодекс Кыргызской Республики. Авторы предлагают меры борьбы с подобного рода инициативами и «реформами» уголовного права во избежание коллапса, паралича правоохранительной системы подобно тому, который возник в 2020 году в Кыргызской Республике из-за действия новых Уголовного, Уголовно-процессуального и других кодексов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the institution of measures of criminal law in relation to legal entities that existed in the Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated February 2, 2017, no. 19 due to the criminal law reform of 2012-2020. allegedly relying on the concepts and concepts developed by the law of both the European Union and international law, but not once applied in any criminal case in the Kyrgyz Republic for the entire period of validity of this Criminal Code (from January 1, 2019 to the middle November 2021), when, as a result of the adoption of the new Criminal Code of the Kyrgyz Republic (enacted by the Law of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021 No. 126), this institution was liquidated. Based on the analysis of the history of the development

of the institution of criminal liability of legal entities under the laws of other countries, international conventions, the authors come to the conclusion that it is absolutely inapplicable, groundless, illegal to include legal entities as subjects of quasi-criminal liability and punishment in the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. The authors propose measures to combat such initiatives and “reforms” of criminal law in order to avoid collapse, paralysis of the law enforcement system, similar to the one that arose in 2020 in the Kyrgyz Republic due to the new Criminal, Criminal Procedure and other codes.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, Киргизская Республика, международный договор, ЕАЭС, евразийская интеграция, вредительство, прозападная ориентация, дефекты интеграционной уголовной политики, коррупция, субъект преступления, принудительные меры, уголовно-правовое воздействие.

Keywords: criminal liability, legal entity, Kyrgyz Republic, international treaty, EAEU, Eurasian integration, sabotage, pro-Western orientation, defects in integration criminal policy, corruption, subject of crime, coercive measures, criminal law impact.

«Законодатель не должен, по нашему мнению, приспособливать уголовный закон к снижающемуся уровню профессиональной подготовки правоприменителя и «латать» дыры правоприменения лишь нормотворческими средствами. Будущее такой уголовной политики не внушает оптимизма. Все эти идеи, в сущности, не новы. Однако начинать работу над новым УК России с того, чтобы вновь, как это уже было пятнадцать лет тому назад, отбросить их в сторону, не стоит, как не стоит сносить старое, но крепкое здание ради того, чтобы построить новое, а не лучшее» (<https://rg.ru/2011/06/07/uk.html>).

Эти слова российского криминолога как нельзя лучше характеризуют ситуацию в сфере «реформы» Уголовного кодекса Киргизской Республики 1997 года, которая была проведена с 2012 по 2017 годы, когда в 2019 году вступил в действие новый Уголовный кодекс (далее – УК).

Одним из «революционных» достижений УК 2017-2019 гг. (<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>) было как бы введение уголовной ответственности юридического лица, а точнее, мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, якобы под предлогом выполнения Киргизской Республикой каких-то международных обязательств: в красочно изданном так называемом учебном пособии Фонда «Сорос-Кыргызстан» по новеллам уголовного законодательства основанием введения уголовной ответственности юридических лиц в Киргизской Республике явилось пожелание, сформулированное на Международном конгрессе по уголовному праву в Бухаресте в 1929 г., признание в 1946 г. Международным трибуналом в ходе Нюрнбергского процесса того, что государство и его организации могут быть субъектами международных преступлений [1]. Сразу напрашивается вопрос: неужели разработчики такой новеллы хотели привлечения Киргизской Республики к уголовной ответственности в последующем и за что? За какие военные преступления? Неужели разработчики УК 2017 года хотели, чтобы за счет введения уголовной ответственности юридического лица можно было в дальнейшем привлекать к уголовной ответственности государство? А также по примерам махинаций американских корпораций по легализации преступных доходов, переносить на юридическое лицо уголовно-правовые последствия преступных деяний, совершенных органами юридического лица – физическими лицами? [2].

По данным вышеуказанного учебного пособия Фонда «Сорос-Кыргызстан», ответственность юридических лиц необходима Киргизской Республике, так как в 1978 г.

Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств признать юридические лица субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Аналогичная рекомендация содержится и в решениях периодически проводимых Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, в частности, Каирского, 1996 г.

В этой связи возникает второй вопрос: за какие экологические преступления необходимо привлекать Киргизскую Республику (далее – КР) к уголовной ответственности?

Третьим основанием введения института уголовной ответственности юридических лиц на странице 12 данного пособия являются (видимо в смысле исполнения Киргизской Республикой своих международных обязательств):

- 1) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (от 15 ноября 2000 года);
- 2) Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма;
- 3) Конвенция ООН против коррупции;
- 4) Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма.

Как отмечает Н. В. Беляева, вопрос о возможности включения в качестве субъектов уголовного права юридических лиц в уголовно-правовой литературе обсуждается давно [3]. То есть в России тоже имеют место быть подобные предложения. Слава Богу, что только предложения. До законов дело не дошло ни в России, ни в Казахстане. Интересно, почему наши разработчики не учли опыт России и Казахстана в данном вопросе, ведь мы наряду с ними являемся членами ЕАЭС.

Почему разработчики и инициаторы новых кодексов 2017 года не учли обязательства Киргизской Республики в ЕАЭС согласно Закону Киргизской Республики от 21 мая 2015 года №111 «О ратификации международных договоров по присоединению Киргизской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» (<https://clck.ru/scNJx>)? Почему разработчики «пакета» (как они сами пишут в своем учебном модуле) уголовно-правового законодательства в рамках судебно-правовой реформы в Киргизской Республике (2011-2018 гг.) «вырезали» из «ткани» правовой системы Киргизской Республики понятие «административные правонарушения» [1], несмотря на то, что данное понятие является едва ли не ключевым в Договоре об особенностях уголовного и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза (<https://clck.ru/33Ugey>), в Соглашении о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств — членов таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях? (<https://clck.ru/33UgfH>).

«Пунктом 1 ст. 1 Договора о ЕАЭС предусмотрено «проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза», что, на наш взгляд, создает правовые предпосылки для формирования, а также для реализации скоординированной, согласованной или единой политики в вопросах ответственности за преступления и иные правонарушения в сфере экономики» и т.п. [4].

Почему авторы проектов уголовно-правового законодательства 2017 года, высшие должностные лица государства, которые их подписали и способствовали этим процессам, зная о членстве Киргизской Республики в ЕАЭС с 2014 года, будучи юристами высокого уровня квалификации, не стремились к «формированию правовой базы интеграционного объединения» «для преодоления существенных противоречий в условиях таможенного союза, общего таможенного пространства, общих целей и задач, когда уголовное и административное

законодательство в сфере таможенных преступлений у каждого государства свое, что на практике приводит к серьезным затруднениям?» [5].

«Отсутствие унифицированного национального законодательства в области таможенных правонарушений Беларуси, России, Казахстана, Армении и Киргизии предоставляет нарушителям возможность выбора наименьшей меры наказания, что непозволительно в условиях борьбы с преступностью и углубления развития интеграционного объединения» [5].

Указанные ученые предлагают вообще принять в будущем единый унифицированный акт в виде Административного и Уголовного кодексов ЕАЭС.

И это правильно, и все к этому идет.

Ведь уже действует единый Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (<https://clck.ru/33UggK>). Какая была необходимость в принятии новых «пакетов» уголовно-правового законодательства Киргизской Республики без учета права ЕАЭС? Ведь унификация всей правовой терминологии, которая содержится в УК, УПК, КоАО (КоП) Киргизской Республики просто неизбежна, неотвратима, не говоря уже об унификации крупного и особо крупного размеров деяния, сформированных национальных показателей (месячный расчетный показатель, расчетный показатель, базовая величина и т.д.). Это в первую очередь — забота об экономике Киргизской Республики.

Кстати, об этом постоянно предупреждал и местный эксперт, известный правозащитник Т.Дж. Уметалиева еще в 2018 году (<https://clck.ru/33Ugh5>).

Чем больше различий, противоречий пробелов в уголовном законодательстве стран – членов ЕАЭС, тем больше вероятность использования их как для необоснованного уклонения от уголовной ответственности, так и для необоснованного уголовного преследования. Так чему тогда способствовали кодексы пакета уголовно-правового законодательства Киргизской Республики 2017 года? Ответ очевиден: увеличению количества указанных коллизий и пробелов в сравнении с законодательством стран — партнеров Киргизской Республики по ЕАЭС и как следствие криминализации государства, его экономики и всех остальных сфер.

«Процессы евразийской интеграции имеют не только экономический (приоритетный) и политический (к которому призывают подходить с осторожностью), но и юридический характер» (<https://clck.ru/33UghT>).

«Уже с момента распада СССР в киргизскую политику было заложено основное противоречие, заключающееся в сочетании пророссийской и прозападной ориентаций» [6].

«В Кыргызстане сложились крайне благоприятные условия для зарубежного информационного, гуманитарного и иного социального воздействия, в том числе и со стороны Евросоюза, а также Запада в целом» [7].

Мы также разделяем мнение заведующего сектором уголовного права, криминологии и проблем правосудия ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. С. В. Максимова в его отзыве на статью К. А. Утарова «Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот контрафактных товаров в государствах-членах Евразийского экономического союза» о том, что «на едином экономическом пространстве (без таможенных границ) нельзя применять существенно различающиеся меры ответственности (прежде всего, уголовной) за одни и те же формы общественно опасного экономического поведения, равно как и не применять такие меры вопреки законодательной и правоприменительной практике соседнего государства-члена единого экономического пространства. Подобного рода дефекты интеграционной уголовной политики ЕАЭС неизбежно ведут к несправедливым решениям в отношении предпринимателей, создают «тихие заводы» для производителей и дистрибьюторов контрафактной продукции, искажают действительный смысл транснациональной экономической конкуренции как генератора экономического роста в ЕАЭС» [8].

Н. В. Беляева в качестве необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц обоснованно и справедливо критикует требования международно-правовых актов установить такую ответственность для юридических лиц (то есть точно такое же обоснование было и в Киргизской Республике по УК 2017 года). При этом, отмечает Н. В. Беляева, ссыла на ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и ст. 26 Конвенции ООН против коррупции. Сторонники такого подхода, такого решения вопроса ссылаются также и на ст. 18 Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. Однако, как справедливо отмечает Н. В. Беляева, в данном случае имеет место подмена понятий, так как указанные международно-правовые акты предоставляют участникам право по своему выбору либо административную, либо гражданско-правовую, либо уголовную ответственность. Действительно, обращение к тексту Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 года), к ст. 18, свидетельствует о том, что даже в названии нет указания на то, что юридическое лицо обязательно должно подлежать уголовной ответственности: «Статья 18 — Ответственность юридических лиц (<https://rm.coe.int/168007f58c>).

Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных преступлений, заключающихся в активном подкупе, использовании служебного положения в корыстных целях и отмывании денег, квалифицированных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в интересах любого физического лица, действующего в своем личном качестве или в составе органа юридического лица, которое занимает ведущую должность в юридическом лице, путем:

— выполнения представительских функций от имени юридического лица;
или — осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;
или — осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; а также за участие такого физического лица в вышеупомянутых преступлениях в качестве соучастника или подстрекателя.

1. Помимо случаев, уже предусмотренных п. 1, каждая Сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического лица, упомянутого в п. 1, появляется возможность совершения уголовных преступлений, упомянутых в п. 1, в интересах этого юридического лица физическим лицом, осуществляющим свои полномочия от его имени» (<https://rm.coe.int/168007f58c>).

То есть никаких обязывающих норм, положений об обязательном для государств-участников ООН введении уголовной ответственности для юридических лиц Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. не содержит.

Анализ ст. 10 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) также позволяет сделать вывод, что и в данном документе нет однозначного, категоричного указания на введение уголовной ответственности юридических лиц (<https://clck.ru/32Hg7A>). Здесь также отмечается, что «Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со ст. 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции.

2. При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

3. Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления.

4. Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции.

Статья 31 данной Конвенции «Предупреждение транснациональной организованной преступности» закрепляет, что «1. Государства-участники стремятся разрабатывать и оценивать эффективность национальных проектов, а также выявлять и внедрять оптимальные виды практики и политики, направленные на предупреждение транснациональной организованной преступности.

2. Государства-участники стремятся, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, сокращать существующие или будущие возможности для организованных преступных групп действовать на законных рынках при использовании доходов от преступлений, посредством принятия надлежащих законодательных, административных или других мер. Такие меры должны сосредоточиваться на:

a) укреплении сотрудничества между правоохранительными органами или органами прокуратуры и соответствующими частными организациями, в том числе из различных секторов экономики;

b) содействию разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе публичных и соответствующих частных организаций, а также кодексов поведения для представителей соответствующих профессий, в частности адвокатов, нотариусов, консультантов по вопросам налогообложения и бухгалтеров;

c) предупреждении злоупотреблений со стороны организованных преступных групп процедурами торгов, проводимых публичными органами, и субсидиями и лицензиями, выдаваемыми публичными органами для осуществления коммерческой деятельности;

d) предупреждении злоупотреблений со стороны организованных преступных групп юридическими лицами; такие меры могут включать:

I) создание публичного реестра юридических и физических лиц, участвующих в учреждении юридических лиц, управлении ими и их финансировании (комментарий автора – такие реестры юридических лиц, их учредителей существуют в Киргизской Республике. По ним журналисты-расследователи даже проводят свои расследования. Например, сайт «Сервис «ОсОО.KG» — это пересечение нескольких государственных открытых баз данных Киргизской Республики: базы юридических лиц Министерства Юстиции, «Открытого Бюджета» Министерства Финансов, а также Портала Государственных закупок») (<https://www.osoo.kg/about/>);

II) создание возможности лишения по решению суда или с помощью других надлежащих способов на разумный период времени лиц, осужденных за преступления, охватываемые настоящей Конвенцией, права занимать должности руководителей юридических лиц, зарегистрированных в пределах их юрисдикции;

III) создание национального реестра лиц, лишенных права занимать должности руководителей юридических лиц.

Неужели отдельным лицам, выдававшим себя за гениальных ученых в сфере уголовного права Киргизской Республики, удалось ввести в заблуждение, мягко говоря, всю страну, все

государство? А куда смотрели эксперты Жогорку Кенеша? Руководители правоохранительных органов? Члены рабочих групп? Ответственные должностные лица Аппарата Президента Киргизской Республики?

Есть даже отдельный План мероприятий по реализации Уголовного кодекса Киргизской Республики, Кодекса Киргизской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Киргизской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Киргизской Республики, Кодекса Киргизской Республики о нарушениях, законов Киргизской Республики «О пробации», «Об основах амнистии и порядке ее применения» (<https://clck.ru/33Ugk8>), где все новации кодексов уголовного направления финансировались за счет средств государственных органов и Проекта Европейского Союза «Содействие укреплению верховенства права в Киргизской Республике» (далее - проект "ЕС/GIZ"). Куда были потрачены эти денежные средства? Кем потрачены? Законно ли они были потрачены? Кто виноват в том, что введение уголовной ответственности юридических лиц ничем не было обоснованно? Ведь проект УК разрабатывался с 2012 года? Тогда действовал УК 1997 года, нет ли в действиях виновных лиц халатности, диверсии? Других составов правонарушений? Ведь все эти лица являются юристами по образованию. Есть соответствующее распоряжение Руководителя Аппарата Президента Киргизской Республики Д. И. Нарымбаева от 23 сентября 2014 года №244 (<https://clck.ru/33UgkU>), в п. 7 которого возлагает контроль за исполнением настоящего распоряжения на заведующего отделом судебной реформы и законности Аппарата Президента Киргизской Республики, секретаря Совета по судебной реформе при Президенте Киргизской Республики. Согласно приложению 1 к данному распоряжению определен конкретный Состав экспертной рабочей группы по подготовке проекта Кодекса о нарушениях Киргизской Республики, сопутствующих ему и другим процессуальным законопроектам проектов законов «О Регистре судимости в Киргизской Республике» и «Об основах амнистии в Киргизской Республике и ее применении».

Ущерб (материальный и другой) от норм УК КР 2017 года (главы) об уголовной ответственности юридических лиц настолько велик, что он причинен даже в сфере присуждения ученых степеней кандидатов и докторов юридических наук. Поскольку отдельные граждане КР до сих пор предлагают ввести уголовную ответственность юридических лиц в своих докторских диссертациях, несмотря на ее полную несостоятельность в правовых реалиях КР, несмотря на то, что за почти три года действия УК КР 2017-2019 гг. не было ни одного уголовного дела в КР, по которому бы в отношении юрлица были бы применены меры уголовно-правового воздействия!

Необходимо объективно, беспристрастно проверить кандидатские и докторские диссертации в ВАК-НАК Киргизской Республики, в которых обосновывалась идея введения уголовной ответственности юридического лица в Киргизской Республике и отменить решения ВАК-НАК Киргизской Республики о присуждении соискателям ученых степеней и званий с 2011 года по настоящее время, как не отвечающих требованиям, предъявляемым к докторским и кандидатским диссертациям как антинаучные (п. 10, 11 Положение о порядке присуждения ученых степеней (Приложение 1 к Указу Президента Киргизской Республики от 18 января 2022 года №12), так как кандидаты и доктора юридических наук за свои не обоснованные научно гипотезы о введении уголовной ответственности юридических лиц в Киргизской Республике получают надбавки к зарплате из госбюджета!

Согласно ч. 3 ст. 26 УК 2017 г. юридическое лицо не являлось субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания. К нему могли применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия по основаниям, предусмотренным УК 2017 г.

УК 2017 г. в ч. 1 ст. 123 давал свое, отличное от ГК, определение юридического лица. Примечательно, что, несмотря на то, что юридическим лицом согласно ч. 1 ст. 123 УК 2017 г. являлась организация, созданная в соответствии с гражданским законодательством Киргизской Республики, а также иностранное юридическое лицо, тут же оговаривалось, что юридическими лицами не являются государство, органы государственной власти, муниципальной службы Киргизской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия, международные организации и их представительства.

Такой подход не соответствует и ст. 1 УК КР 2017 г., которая устанавливает принцип строгой кодификации уголовного законодательства КР, то есть определяет, что единственным его источником является Уголовный кодекс КР!

Как быть и с ч. 1 ст. 168 ГК КР (<https://clck.ru/s5i4H>), согласно которой Киргизская Республика является участником гражданских правоотношений на равных началах с гражданами и юридическими лицами?

Согласно ч. 1 ст. 169 ГК от имени государства могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной законами и иными актами, определяющими статус этих органов.

Согласно ч. 1 ст. 170 ГК государство отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными им юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (государственная казна п. 2 ст. 225).

Нет ли здесь противоречий между определением юридического лица в ст. 123 УК 2017 г. и указанными статьями ГК?

Если меры уголовно-правового воздействия согласно ч. 1 ст. 6 УК 2017 г. могли применяться только к лицу, совершившему деяние, предусмотренное УК 2017 г., если мерам уголовно-правового воздействия согласно ст. 10 УК 2017 г. подлежит только лицо, совершившее деяние предусмотренное УК 2017 г., то по какой причине тогда в ч. 3 ст. 26 УК 2017 г. было указано, что юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания? Ведь тогда во исполнение статей 6 и 10 УК 2017 г. к нему нельзя применять меры уголовно-правового воздействия! Хотя тут же, во втором предложении ч. 3 ст. 26 УК 2017 г., закреплялось, что к юридическому лицу могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия по основаниям и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом!

Как к юридическому лицу применять меры уголовно-правового воздействия без наличия доказательств его вины в уголовном деле?

В таких случаях обычно говорят: «гора родила мышь! Какой смысл в огромных трудозатратах участников процесса, чтобы в последствии судить Устав? Введите уголовную ответственность для собственников юридических лиц и получите такой эффект!!!» (<https://clck.ru/33Ugmu>).

«Введение уголовной ответственности юридических лиц является, не лазейкой, а огромной дырой в защите конституционных прав граждан, для конкретных преступников. Любое решение юридического лица принимается конкретным субъектом уголовного права. Ответственность, тем более уголовная, должна быть персональной, и ни в коем случае коллективной» (<https://clck.ru/33Ugmu>).

«И все же стоит говорить не о причастности юридического лица к преступлению, а об использовании этой формы объединения (участников, их воля, имущества) субъектом управления в преступных целях. Конечно, это будет усложнять правовую конструкцию, но одновременно позволит усилить превентивную роль права, что будет восприниматься не юридическими лицами - юридическими условностями, а вполне конкретными людьми, риски которых возрастут многократно» (<https://clck.ru/33Ugmu>).

«В последние годы значительно возросло количество преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Масштаб этого явления позволяет утверждать, что в Кыргызстане сформировался новый вид преступности – преступность юридических лиц (зарубежный аналог данного термина – «преступность корпораций» или «корпоративная преступность»). Этот вид преступности представляет реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота. В частности, он оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность Кыргызстана (существенно повышает инвестиционные риски, связанные с незащищенностью киргизских финансовых инструментов от преступных посягательств), что обуславливает отток из страны капитала. Преступность юридических лиц дестабилизирует фундаментальные основы экономики, что опосредованно способствует спаду основных экономических показателей, в том числе росту инфляции, снижению производства, уходу капитала в теневой сектор экономики» [9].

По какой причине тогда за 2,5 года действия УК 2017 года ни к одному из юридических лиц в Кыргызской Республике не были применены меры уголовно-правового воздействия (ни одна из них), предусмотренные статьей 124 УК 2017 г.? Или это укрывательство преступлений? Если в учебном пособии автор указывает на рост преступности юридических лиц, значит, в его распоряжении имеются соответствующие факты, обстоятельства, доказательства. Может быть, есть необходимость допросить его?

Сколько денежных средств было потрачено впустую на выпуск разных пособий по обучению правоохранителей навыкам применения мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам! Например, пособия Высшей школы Правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики «Особенности производства по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу» [9].

Считаем, что было противоречие в самом УК 2017 г., так как его создатели то ли не успели, то ли не доработали соответствующие положения других положений Общей части УК 2017 года и Гражданского кодекса, а также других законов Кыргызской Республики о юридических лицах, и поэтому создали двоякую ситуацию: с одной стороны, есть меры уголовно-правового воздействия, которые фактически являются наказаниями, с другой, прямо, открыто, побоялись об этом заявлять из-за явных несоответствий нового УК 2017 года другим законам Кыргызской Республики. Потому что надо было начинать с признания юридического лица субъектом преступления. Именно непризнание юридического лица в качестве субъекта уголовного права подрывает возможность установления уголовной ответственности для юридических лиц, в связи с этим понятие субъекта преступления является наиболее важным в нашем случае. Уголовно-правовая наука под субъектом преступления понимает лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. Непризнание юридического лица в качестве субъекта преступления порождается принципом личной ответственности, который безраздельно правит в уголовном праве Кыргызской Республики. Любой принцип представляет собой некое убеждение, в нашем случае – это убеждение в том, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, то есть человек, обладающий соответствующими

интеллектуальными и волевыми качествами. Как нам представляется – не имеется достаточных оснований для непризнания юридического лица в качестве субъекта преступления, поскольку согласно общей теории права всякий субъект права есть лишь создание объективного права, субъекты — это те центры, около которых волей закона объединяются юридические отношения. Другими словами любой субъект права есть только юридическое представление, все равно, идет ли речь о юридическом или физическом лице. Именно по такому пути признания юридического лица в качестве субъекта преступления последовали США, Англия, Франция, Бельгия, Венгрия, Дания, Ирландия, Мальта, Нидерланды, Хорватия, Черногория, Македония, Норвегия, Албания, Исландия и ряд других зарубежных государств.

Введение в законодательство института уголовной ответственности юридических лиц потребует значительной перестройки всей системы уголовного права и уголовного процесса, соответствующие изменения должны будут внесены и в Уголовно-исполнительный кодекс КР. На сегодняшний день юридические лица являются основными субъектами хозяйственной деятельности, поэтому установление уголовной ответственности юридических лиц является показателем развития общества, отвечает на вопрос — созрело ли общество для этого? Однако непродуманное включение норм об уголовной ответственности юридических лиц может создать дополнительные лазейки для уклонения от уголовной ответственности физических лиц. Именно поэтому изначальной целью установления уголовной ответственности юридических лиц должна быть максимальная индивидуализация наказания, при которой к уголовной ответственности должно привлекаться как непосредственно виновное физическое лицо, так и юридическое лицо, в интересах которого совершается преступление.

Еще раз повторим, что «Международные стандарты ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, в целом, не требуют установления одного конкретного вида ответственности. Напротив, антикоррупционные договоры либо непосредственно в тексте (например, Конвенция ООН), либо в пояснительных материалах часто разъясняют, что государства могут сделать выбор в пользу уголовной, административной или гражданской ответственности. Однако, вне зависимости от выбранной опции к юридическим лицам должны применяться эффективные, соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие санкции. Последнее требование влияет на выбор вида ответственности в национальной системе» (<https://clck.ru/33Ugnu>).

Даже казахские ученые не рискнули сделать вывод об однозначной пользе и логичности отнесения юридического лица к субъекту преступления: они ограничиваются лишь тем, что такие «выводы будут представлять интерес для совершенствования уголовного законодательства сфере предупреждения коррупционных преступлений» [10].

«Главная проблема юридической конструкции уголовной ответственности юридического лица связана с субъективной стороной деяния. Как известно, обязательное условие уголовной ответственности — вина, понимаемая как психическое отношение лица к содеянному. Однако юридическое лицо не может иметь никакой психики и, соответственно, непосредственно к юридическому лицу понятие вины неприменимо» (<https://clck.ru/33UgoS>).

Председатель Верховного Суда Республики Казахстан Алимбеков Мусабек отмечает далее, что «такая теоретическая модель, основанная на «принципе отождествления (идентификации)» ответственности юридических лиц, для Казахстана неприемлема и прежде всего потому, что применение права по аналогии по уголовному законодательству Казахстана не допускается» (<https://clck.ru/33UgoS>). Ч. 3 ст. 3 УК 2017 г. также запрещала применение уголовного закона по аналогии. Ч. 2 указанной статьи закрепляла, что уголовный закон должен

четко и ясно определять наказуемое деяние (действие или бездействие) и не подлежит расширительному толкованию.

И Кыргызстан, и Россия являются своего рода наследниками уголовного права СССР, и поэтому не будет ошибкой сказать, что в уголовном праве Киргизской Республики, так же, как и в российском уголовном праве, «ответственность субъекта преступления традиционно базируется на способности физического лица, обладающего здоровой или незначительно измененной психикой, противостоять выбору преступного варианта поведения. Именно эта способность позволяет говорить о вине лица. Вина лежит в основе уголовной ответственности и закреплена в качестве принципа уголовного права, входит в понятие преступления, определяет содержание субъективной стороны состава преступления, является важным признаком института соучастия» [3].

Поэтому, используя наработки старшего научного сотрудника ИЗИСП при Правительстве РФ, канд. юрид. наук, доцента Н. В. Беляевой, зададим такой же вопрос, как и наша уважаемая коллега из России: соответствует ли этим фундаментальным понятиям уголовного права Киргизской Республики включение юридического лица в качестве субъекта уголовного права?

Сторонники положительного решения данного вопроса мотивируют это, в частности, тем, что индивидуальная ответственность служащих корпораций не может даже в малой степени возместить причиняемый ущерб и предупредить совершение новых аналогичных правонарушений [3].

Однако восстановление нарушенного права никогда не было целью уголовного законодательства. Действительно, в ч. 3 ст. 1 УК КР 2017 г. указано, что целями УК являются охрана прав и свобод личности, общества, государства и безопасности человечества от преступных посягательств, предупреждение преступлений, а также восстановление справедливости, нарушенной преступлением.

Что касается восстановления справедливости, нарушенной преступлением, то согласно комментария к УК РФ, данная цель, которая в ч. 2 ст. 43 УК РФ сформулирована как «восстановление социальной справедливости» прежде всего предполагает соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Именно в таком порядке ст. 6 УК РФ определяет значимость указанных критериев справедливости наказания (аналогичное содержание приводится и в ст. 6 УК КР 2017 г., где так же, как и в УК РФ 1996 г., закреплён принцип справедливости). Оно в то же время должно восприниматься адекватной компенсацией вреда, причиненного гражданам и обществу в целом совершением преступления в виде более или менее равнозначного лишения или ограничения прав и свобод осужденного. В конечном счете назначенное судом наказание должно восприниматься как социально справедливое, вызывать в обществе и в первую очередь у потерпевшего чувство удовлетворения свершившимся актом правосудия, а также восприниматься справедливым и лицом, совершившим преступление [3].

Не было цели восстановления нарушенного права и среди целей УК КР 1997 г.: согласно ч. 1 ст. 2 УК 1997 г. целями Уголовного кодекса Киргизской Республики являлись: предупреждение преступлений, охрана личности, прав и свобод граждан, юридических лиц, собственности, природной среды, общественного порядка и безопасности, конституционного строя Киргизской Республики, мира и безопасности человечества от преступных посягательств.

Не было цели или задачи восстановления нарушенного права и у Уголовного кодекса Киргизской ССР от 29 декабря 1960 года (Введен в действие Законом Киргизской ССР от 29 декабря 1960 года) (По состоянию на 1 июля 1996 года): согласно ч. 1 ст. 1 УК Киргизской ССР Уголовный кодекс Киргизской ССР имеет задачей охрану общественного строя СССР, его

политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Предусмотренные меры уголовно-правового воздействия не направлены на возмещение потерпевшему причиненного преступлением ущерба и имеют иные цели, предусмотренные ч. 2 ст. 63 и ч. 2 ст. 115 Уголовного кодекса КР 2017 г. Кроме того, ст. 366 ГК КР, точно так же, как и ст. 402 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливает ответственность юридических лиц за действия своих работников, которая позволяет возместить причиненный преступными действиями физических лиц вред за счет имущества юридического лица.

Ч. 2 ст. 356 ГК КР устанавливает презумпцию вины, видимо, поэтому в гражданском процессе нет и стадии следствия, как в уголовном, более того, законом или договором может быть предусмотрена ответственность должника, не исполнившего обязательство либо исполнившего его ненадлежащим образом, и при отсутствии вины. Так, по общему правилу, закрепленному в ч. 3 ст. 356 ГК КР, поскольку иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (форс-мажор). К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

Согласно ч. 1 ст. 91 ГК КР юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом. Реорганизация юридического лица также не освобождает последнее от исполнения своих обязательств согласно ч. 1 ст. 93 ГК КР.

Таким образом, обоснование необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц отсутствием возможности возместить причиненный ущерб неубедительно.

В ч. 2 ст. 123 УК КР 2017 г. и в ч. 1 ст. 482 УПК КР 2017 г. вина юридического лица определяется через деяния физических лиц, причем совершенных умышленно или заведомо в интересах юридического лица. Такая трактовка вины юридического лица позволяет сделать вывод, что собственной вины у юридического лица нет, а деяние виновно совершается физическими лицами. Кроме того, определять вину через деяния представляется концептуально неверным, поскольку вина характеризует внутреннюю психическую деятельность субъекта, а не внешнее ее проявление в виде совершаемого действия или бездействия [3]. Некоторые сторонники признания юридических лиц субъектами преступления считают наиболее приемлемой в уголовном праве теорию объективной концепции вины организации в совершении преступления, которая представляет собой несоблюдение организацией правовых норм, если у юридического лица существовала обязанность их не нарушать [12]. В данном случае также вина связывается с деянием, а не с психической деятельностью, что не может быть признано верным.

В связи с этим возникает также вопрос: может ли быть преступным деяние без вины самого субъекта — юридического лица? Каким образом в таком случае следует понимать состав преступления, совершенный юридическим лицом, и в чем состоит деяние юридического лица? Очевидно, что действия или бездействие от имени юридического лица совершают физические лица. В ч. 2 ст. 123 УК КР 2017 г. и в ч. 1 ст. 482 УПК КР 2017 г. они лежат в основе определения вины юридического лица, и, следуя законам логики, не могут одновременно характеризовать и деяние самого юридического лица. То есть в составе

преступления юридического лица в этих случаях отсутствует объективная и субъективная сторона.

Не укладывается уголовная ответственность юридических лиц и в институт соучастия. Вообще, как быть с институтом соучастия в преступлении юридических лиц? Как его определить? Если соучастие юридических лиц в преступлении невозможно, исходя из требований ч. 3 ст. 26 УК КР 2017 г.: юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания. Хотя в теории его можно определить как совместное участие двух или более юридических лиц в преступлении. Из данного определения выпало одно из важнейших составляющих оснований ответственности за соучастие — субъективные признаки соучастия [3].

Так же, как в российском праве, понятие юридического лица дается в Гражданском кодексе Киргизской Республики в ст. 83: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, и быть истцом и ответчиком в суде» [11].

Ни одна другая отрасль права Киргизской Республики, кроме гражданского права, до появления УК КР 2017 г. не содержала и до сих пор не содержит определения понятия юридического лица и его признаков. Признание юридического лица субъектом преступления потребует изменения понятия юридического лица в гражданском праве, поскольку из данного определения не вытекает вывод о возможности юридического лица отвечать не только по своим обязательствам, но и за преступные деяния, а также быть не только истцом и ответчиком в суде, но и обвиняемым (подсудимым).

А по какой причине тогда создателями проекта УК 2017 г. не были внесены соответствующие изменения в гражданское законодательство Киргизской Республики, ведь без этого была ситуация, когда новый УК 2017 г. противоречил ГК КР 1996 г. в части определения понятия «юридическое лицо» и как следствие — процессуальный статус юридического лица в уголовном судопроизводстве стал неопределенным. Скорее всего, вследствие такой неопределенности за все время действия УК КР 2017 года — с 1 января 2019 г. по ноябрь-декабрь 2021 г. (почти 3 года) — в Киргизской Республике не было ни одного уголовного дела, где бы к юридическому лицу были бы применены принудительные меры уголовно-правового воздействия.

То есть необходимо было с положительным решением вопроса о признании юридического лица субъектом преступления пересмотреть фундаментальные понятия двух основных отраслей права любого постсоветского государства – гражданского и уголовного. Но почему этого не произошло? И почему юридическое лицо так и не было окончательно признано субъектом преступления?

Почему преобразования уголовного права Киргизской Республики согласно внесенным изменениям и дополнениям в УК КР 2017 г. законами КР от 15 мая 2019 года №62, 28 февраля 2020 года №21, 3 апреля 2020 года №34, 24 июля 2020 года №88, 21 августа 2020 года №137, 13 ноября 2020 года №3, 31 декабря 2020 года №13, 10 марта 2021 года №29, 12 мая 2021 года №62 (<https://clck.ru/VazzS>) не затронули вопросов конкретизация правового статуса юридического лица в уголовном праве Киргизской Республики? Кто в этом виноват? Были ли вообще объективные основания для установления квази-уголовной ответственности юридических лиц [11] гл. 20 УК КР 2017 г.?

Ст. 124 УК КР 2017 г. установила следующие виды принудительных мер уголовно-правового воздействия, которые могут применяться судом к юридическому лицу:

- 1) штраф;
- 2) ограничение прав;
- 3) ликвидация юридического лица.

Принудительные меры уголовно-правового воздействия, предусмотренные п. 1 и 2, а также п. 1 и 3 ч. 1 ст. 124 УК 2017 г., могли применяться одновременно.

Конфискация имущества юридического лица могла применяться как дополнительная мера уголовно-правового воздействия.

Многие из этих мер уже на протяжении больше 20 лет применялись к юридическим лицам. Это предупреждение или штраф в соответствии с законодательством об административной ответственности (ст. 27 Кодекса Киргизской Республики об административной ответственности от 4 августа 1998 года №114 (<https://clck.ru/3239DG>), который утратил силу с 1 января 2019 года в соответствии с Кодексом КР от 13 апреля 2017 года N 58) и ликвидация юридического лица согласно статье 402 Кодекса Киргизской Республики об административной ответственности (далее – КоАО КР) по решению суда в случаях, предусмотренных Кодексом Киргизской Республики об административной ответственности, и в порядке, установленных Гражданским кодексом Киргизской Республики, Законом Киргизской Республики «О консервации, ликвидации и банкротстве банков».

Никаких новых видов принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц УК КР 2017 г. в сравнении с КоАО КР 1998 г. не содержал.

Следует учитывать, что законодательством Киргизской Республики об административной ответственности регламентировался и порядок производства по делам об административных правонарушениях юридических лиц, а также исполнительное производство, как по делам об административных правонарушениях в целом, так и по отдельным видам административных взысканий. Согласно ст. 571 КоАО КР защиту прав и законных интересов юридического лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, или являвшегося потерпевшим, осуществляли его законные представители. Согласно ст. 573 КоАО КР потерпевшим являлось физическое или юридическое лицо, которому административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Как было отмечено выше, необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц объяснялась авторами «новелл» УК 2017 г. требованиями международно-правовых актов установить такую ответственность для юридических лиц, при этом ссылка делается, в частности, на ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и ст. 26 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Сторонники такого решения вопроса ссылаются также и на ст. 18 Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

Однако в данном случае имеет место подмена понятий, поскольку указанные международно-правовые акты предоставляют участникам право установить по своему выбору либо административную, либо гражданско-правовую, либо уголовную ответственность. Кроме того, в них речь идет о любых юридических лицах. Однако в ч. 1 ст. 123 УК КР 2017 г. из числа юридических лиц, ответственных за совершение преступлений, были исключены государство, органы государственной власти, муниципальной службы Киргизской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия, международные организации и их представительства.

Даже в Отчете о мониторинге (Второй раунд) Киргизской Республики (Отчет был утвержден на пленарном заседании Стамбульского плана действий 24 февраля 2012 г. в штаб-квартире ОЭСР в Париже) Организацией экономического сотрудничества и развития (Сети по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии) об исполнении Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией мониторинга рекомендовано согласовать законодательство Кыргызстана с международными стандартами, среди прочего, установив уголовную ответственность за взяточничество иностранных должностных лиц, за обещание/предложение взятки, а также за просьбу и принятие обещания/предложения взятки как оконченные составы преступлений; установив, что предметом взятки могут быть нематериальные блага; пересмотрев составы преступлений злоупотребления полномочиями, коррупции в частном секторе, укрытия коррупции в соответствии с Конвенцией ООН (<https://clck.ru/33UgrM>) (то есть не говорится о необходимости введения именно уголовной ответственности юридических лиц). Также рекомендуется ввести эффективную ответственность юридических лиц за коррупцию и отмывание денег. Положения о конфискации средств совершения и доходов от коррупционных преступлений должны быть приведены в соответствие со ст. 31 Конвенции ООН против коррупции.

Как справедливо отмечает Н. В. Беляева по этому поводу, «очевидно, авторы законопроекта не допускают возможности совершения работниками этих юридических лиц преступлений в их интересах, либо допускают двойной подход к равенству всех перед уголовным законом» [3].

Таким образом, и этот довод за введение уголовной ответственности юридических лиц не выдерживает критики (через применение к ним принудительных мер уголовно-правового воздействия).

Правовая система Киргизской Республики, так же, как и России, до введения в действия УК КР 2017 г. предусматривала гражданско-правовую и административную ответственность юридических лиц за совершение правонарушений. Говорить о ее неэффективности можно лишь в случае последовательного применения норм гражданского и административного права к юридическим лицам, допустившим то или иное правонарушение.

О нелогичности УК КР 2017 г., о его несправедливости в отношении установления квазиуголовной ответственности юридических лиц, в ч. 4 ст. 123 УК КР 2017 г. закреплялось, что применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица должно осуществляться с соблюдением принципа справедливости, свидетельствует и тот факт, что заявляя о необходимости ввести ответственность организаций за преступления коррупционной направленности, авторы проекта УК КР 2017 г. решили этот вопрос непоследовательно и несправедливо.

Законодатель всегда считает взяткополучателя более опасной фигурой во взяточничестве, нежели взяткодателя. Об этом имеется доказательство в виде установления более строгой ответственности в ст. 325 УК КР 2017 г., чем для взяткодателя (ст. 328 УК КР 2017 г.). То же самое имело место и в УК 1997 г., а также в действующем УК 2021 г. — в ст. 342 и 345 соответственно.

Но в ч. 5 ст. 123 УК КР 2017 г. содержалось положение о применении принудительных мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу только в случае совершения деяний, предусмотренных ст. 327 и 328 настоящего Кодекса, то есть только в случае дачи взятки, не считая посредничества во взяточничестве, то есть фактически была как бы «установлена» «уголовная ответственность» только тех юридических лиц, кто «дает взятки».

А как же заявленный в ч. 4 ст. 123 УК КР 2017 г. принцип справедливости?! Не говоря уже об абсурдности привлечения к уголовной ответственности госоргана, например, за то, что

его должностное лицо получило в интересах этого госоргана денежные средства для принятия какого-либо решения. Также абсурдно за действия отдельных работников привлекать к уголовной ответственности и любое другое юридическое лицо, не являющееся публичным.

Согласно данным Нацстаткома Киргизской Республики Объем взаимной торговли Киргизской Республики с государствами-членами ЕАЭС в январе-феврале 2022 года составил 562,9 млн. долларов США и по сравнению с январем-февралем 2021 года увеличился на 38,5 процента. Из государств-членов ЕАЭС наибольшая доля взаимной торговли республики пришлась на Россию (71,55%) и Казахстан (26,7%) (<https://clck.ru/33Ugrs>).

Согласно данным Нацстаткома Киргизской Республики Киргизская Республика в 2020 году осуществляла экспортно-импортные операции со 134 странами мира. Основными торговыми партнерами Киргизской Республики в 2020 году являлись Китай (товарооборот 781,2 млн. долларов США или 13,7 процента в общем товарообороте), Россия (1 577,2 млн. и 27,7 процента), Казахстан (809,5 млн. и 14,2 процента), Великобритания (1 000,2 млн. и 17,6 процента), Узбекистан (341,9 млн. и 6,0 процента), Турция – 269,6 млн. долл. США и 4,7 процента) (<https://clck.ru/33Ugrz>).

Может быть стоит определять правовую политику, в том числе в уголовном праве, исходя из экономических приоритетов Киргизской Республики?

Неужели прозападные силы делают все, чтобы помешать Кыргызстану стать полноценным членом ЕАЭС, в том числе вводя правовые институты, которые чужды правовой системе Киргизской Республики и наоборот способствуют ослаблению борьбы с преступностью и таким образом ослаблению государства в целом, восприятию государства населением как коррумпированной организации, идущей на поводу у преступников вследствие необоснованной псевдо-либерализации уголовного законодательства Киргизской Республики под видом псевдо-гуманизации?

Даже в России международно-правовые «пожелания» к конструированию в отечественном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц еще не внедрены в их национальную правовую систему, что вызвано целым комплексом препятствий (теорией «фикции»; господством принципа персонализации, а не идентификации; отсутствием в деянии волевых и психических элементов и др.) [13].

По какой причине наши эксперты, депутаты, члены и руководители рабочих групп, ответственные за разработку проектов УК и УПК 2017 года, у которых были мощные ресурсы (административные, людские, и самое главное, финансовые) по их разработке, которые не сравнимы с нашими ресурсами рядового преподавателя бишкекского вуза и магистранта, не учли того вывода, который давно сделали (и не один раз) наши российские коллеги, что «полная реализация идеи введения в российское законодательство уголовной ответственности юридических лиц требует колоссальных преобразований»?

Этот шаг приведет к пересмотру не только многих нормативных правовых актов, прежде всего УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, но и общетеоретических подходов к институту уголовной ответственности. Возможно, потребуется поэтапное введение уголовной ответственности юридических лиц, сначала в качестве «пилотного проекта» в отдельных субъектах РФ» [13].

Почему нельзя было по примеру российского УК в п. 2 ч. 1 ст. 52 УК КР 1997 года внести слово «организации», чтобы он звучал так: «2) имущества осужденного, переданного другому лицу (организации) или вообще указать, физическому или юридическому лицу, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий»?

То есть с позиции обвиняемого, подсудимого, осужденного можно было, внося дополнение одним указанным словом, создать в УК КР 1997 г. предпосылки к развитию

системы мер уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам за совершение ряда преступлений.

То же самое с позиции потерпевшего: также была ст. 52 УПК КР 1999 г., согласно которой гражданским истцом признавалось физическое или юридическое лицо, понесшее имущественный ущерб от преступления и предъявившее требования о его возмещении. Согласно ст. 55 УПК гражданским ответчиком признавалось как физическое, так и юридическое лицо, которое в силу закона несло имущественную ответственность за ущерб, причиненный преступлением или запрещенным Уголовным кодексом Киргизской Республики деянием невменяемого.

По какой причине экспертные рабочие группы по разработке проектов кодексов и иных законов при отправлении уголовного правосудия, а также законов в части совершенствования судоустройства, вытекающих из новых проектов, руководство Аппарата Президента Киргизской Республики, высшие должностные лица Киргизской Республики (Президент Киргизской Республики, Торага Жогорку Кенеша Киргизской Республики, Генеральный прокурор Киргизской Республики, Председатель Верховного суда Киргизской Республики, их заместители и все остальные должностные лица, которые на тот момент занимали ответственные положения) во исполнение Указа Президента Киргизской Республики от 8 августа 2012 года УП №147 «О мерах по совершенствованию правосудия в Киргизской Республике» (<https://clck.ru/33Ugvx>), Указа Президента Киргизской Республики от 17 января 2012 года УП №6 «Об образовании Комиссии по выработке согласованных предложений по дальнейшему реформированию судебной системы Киргизской Республики» (<https://clck.ru/33UgwB>), распоряжения Руководителя Аппарата Президента Киргизской Республики от 07.09.2015 года №235 (<https://clck.ru/33Ugww>) и массы других актов открытого и закрытого характера, мягко говоря, не учли, проигнорировали положения истории уголовного права зарубежных стран о том, что «в исторической ретроспективе такие меры ответственности юридических лиц не являются исключительным явлением современности? Уголовная ответственность отдельных людей и образованных ими сообществ существовала всегда, что подтверждают практически все законодательные акты древности. И только в эпоху великих буржуазных революций, провозгласивших «священный» принцип неприкосновенности частной собственности, возобладали идея индивидуальной уголовной ответственности, что, впрочем, во многих странах, в том числе в Великобритании, Франции, не исключало уголовной ответственности юридических лиц» [13]?

Все, кто учился на юридических факультетах, тем более в советское время, не могли не знать из курса Истории государства и права СССР, РСФСР, зарубежных стран, что в средние века «законодатель оговорил возможность укрывательства воров не всем населением села, деревни, посада, а лишь некоторой его частью, на которую и возлагалась вина с соответствующими последствиями — взысканием штрафа (пени) в пользу государя и удовлетворением иска потерпевших. Возможно, усиление следственного начала в уголовном процессе и повышение индивидуальной ответственности взамен прежней общинной поруки связаны со снижением роли повального обыска. Однако цель устрашения коллективных образований была сформулирована в Соборном Уложении предельно четко: «а вором бы, татем и разбойником нигде прибежища не было» [13].

Как пояснил Н. А. Неклюдов, в контексте положений Уложения 1845 г. за вред и убытки, причиненные преступлением, юридические лица несли только имущественную ответственность, а уголовная ответственность распространялась на тех их членов, которые «лично виновны в преступлении». В противном случае необходимо было проводить различия между отдельными категориями юридических лиц, учитывать особенности видов

преступлений, нарушать принцип процесса о личной уголовной ответственности, применять положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [13].

Из-за инициативы о введении уголовной ответственности юридических лиц, необоснованность которой изучается на первом-втором курсах студентами юридических вузов и факультетов по истории государства и права зарубежных стран, и многих других инициатив фактически была парализована правоохранительная система Киргизской Республики, едва ли не дестабилизирована обстановка внутри государства в 2019-2020 гг. из-за неспособности государства бороться с преступностью и защищать простых граждан от преступников.

В связи с указанными деяниями Генеральному прокурору Киргизской Республики согласно п. 7 ст. 85 Конституции КР как субъекту законодательной инициативы по вопросам его ведения хотелось бы пожелать всерьез задуматься над возвратом в УК КР 2021 г. статьи за вредительство и соответственно обратиться с законодательной инициативой о введении уголовной ответственности в Киргизской Республике за вредительство, которая действовала в Киргизской Республике до 1 января 1998 г. (<https://clck.ru/33UgxX>) согласно Закону Киргизской Республики от 1 октября 1997 года №69 «О введении в действие Уголовного кодекса Киргизской Республики»: «Статья 63. Вредительство: Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путем противодействия их нормальной работе, — наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества».

Зампред ЦК КПРФ, депутат Госдумы Валерий Рашкин, предложив вернуть в Уголовный кодекс России статью «вредительство». Свое предложение Рашкин изложил в обращении к председателю Следственного комитета Александру Бастрыкину, генпрокурору Юрию Чайке, министру внутренних дел Владимиру Колокольцеву и директору ФСБ Александру Бортникову, сообщила в понедельник «Интерфаксу» пресс-служба депутата (<https://clck.ru/33Ugxc>).

В своем обращении Рашкин дает определение вредительства. По его мнению, это — «действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно предприятий, занимающих стратегическое значение, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций, юридических лиц с целью ослабления государственной власти, хозяйственного оборота и/или причинения существенного вреда жизни, здоровью и имуществу физических лиц, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций, иных юридических лиц, либо путем противодействия их нормальной деятельности».

Данное определение «вредительства» возможно использовать и законодателю Киргизской Республики.

А экономические «эксперименты» нынешних «либералов», повлекшие горе и разорения миллионов, прошедшая ранее ваучерная приватизация? Что это, как не вредительство? — вопрошал Валерий Рашкин.

Необходимость возвращения статьи за вредительство коммунист аргументирует примерами рейдерских захватов, по которым «в лучшем случае возбуждается уголовное дело по факту мошенничества», а также реформами здравоохранения, в результате которых, по его словам, растет смертность населения. «А экономические «эксперименты» нынешних «либералов», повлекшие горе и разорения миллионов, прошедшая ранее ваучерная

приватизация? Что это, как не вредительство?» — цитирует обращение депутата «Коммерсант» (<https://clck.ru/33UgXu>).

Как отдельный состав преступления вредительство появилось в Уголовном кодексе СССР в 1960 году. 69 ст. УК «Вредительство» предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества. С 1992 года статья «вредительство» в Уголовном кодексе РФ отсутствует.

В конце апреля 2015 года законодательное собрание Санкт-Петербурга подготовило в Госдуму РФ законопроект, устанавливающий наказание за тунеядство. Согласно документу, тунеядство нужно наказывать исправительными работами сроком до 1 года россиян, которые уклоняются от трудоустройства свыше 6 месяцев при наличии подходящей работы. При этом для установления уголовной ответственности предлагалось прописать в Конституции РФ, что труд — это не только право, но и обязанность каждого гражданина. В начале апреля 2015 года президент Белоруссии Александр Лукашенко подписал аналогичный закон, который в стране назвали законом «О дармоедах». По новым правилам, граждане Белоруссии и просто временно проживающие в стране, но не участвующие в финансировании госрасходов более полугода, будут обязаны платить сбор в размере 3,6 млн. белорусских рублей (чуть более 12 тыс. российских рублей) (<https://clck.ru/33UgXc>).

На основе существования уголовной ответственности за вредительство в советское время на Украине в 2019 г. предложили ввести уголовную ответственность за невыполнение предвыборных обещаний (за неисполнение предвыборных обещаний выборными чиновниками (депутаты, мэры, etc.) и за вредительство и саботаж назначаемых чиновников (министров, губернаторов и т.п.), что свидетельствует об актуальности подобного рода состава преступления в настоящее время в модернизированном, видоизмененном виде, учитывая смену формации (<https://clck.ru/33UgyP>).

Вот чем должны заниматься правоохранительные органы, будучи одновременно правотворческими и надзорными: изменять законодательство Киргизской Республики до такой степени, чтобы на корню пресекать подобного рода вредительские новеллы, на основании которых впоследствии многим гражданам необоснованно присуждаются ученые степени докторов и кандидатов юридических наук в Киргизской Республике! Необходимо защищать государство, его законодательство от подобного рода «новелл» путем установления личной (персональной) ответственности (уголовной, материальной, политической) за указанные деяния, поскольку в противном случае они будут правы, так как в настоящее время им уже присуждены ученые степени, звания, а их присуждают за полезные государству идеи, «внедрение внесет значительный вклад в развитие и ускорение научно-технического прогресса в зависимости от сферы науки и тематики в соответствующей отрасли знаний» (<https://clck.ru/33UgyU>).

Список литературы:

1. Новеллы уголовного, уголовно–процессуального и уголовно–исполнительного законодательства Киргизской Республики. Ч.1. Бишкек, 2018. 212 с.
2. Лафитский В., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. №2 (206). С. 5-13.
3. Беляева М. Г., Егорова С. А., Сладкова А. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ // Синергия Наук. 2018. №28. С. 823-827.

4. Аснис А. Я. Проблема согласованной уголовно-правовой политики государств-членов ЕАЭС в сфере борьбы с коммерческим подкупом // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. №3. С. 335-341.
5. Зайцева В. Д., Тарарышкина Л. И. Направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах-членах ЕАЭС // Международные отношения: история, теория, практика. 2019. С. 180-185.
6. Казанцев А. Независимая Киргизия и Россия: настоящее и будущее. Маневрируя между Россией и Западом // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НП РСМД, 2017. С. 52.
7. Парамонов В. В., Строков А. В., Абдуганива З. А. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы, 2017. 117 с.
8. Смыков С. И. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, связанными с производством и оборотом контрафактной продукции // Общество и право. 2009. №1 (23). С. 209-214.
9. Айжигитов Д. А. Особенности производства по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу. Бишкек, 2019. С. 21-22.
10. Шейренов Ж. Н. Основания признания юридического лица субъектом уголовной ответственности за коррупционные преступления // Право и политика. 2020. №7. С. 92-104.
11. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). М., 2021. С. 217.
12. Минин Р. В. Проблемы формирования института уголовной ответственности юридических лиц в России // Совершенствование прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства в топливно-энергетическом комплексе: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2009.
13. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 23.

References:

1. Novelty of the criminal, criminal-prosecutorial and criminal-executive legislation of the Kyrgyz Republic (2018). Bishkek. (in Russian).
2. Lafitskii, V., & Semykina, O. I. (2014). Ugolovnyaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v otechestvennom zakonodatel'stve: k istorii voprosa "pro et contra". *Zhurnal rossiiskogo prava*, (2 (206)), 5-13. (in Russian).
3. Belyaeva, M. G., Egorova, S. A., & Sladkova, A. V. (2018). K voprosu o sub"ekte prestupleniya, predusmotrennogo st. 228 UK RF. *Sinergiya Nauk*, (28), 823-827. (in Russian).
4. Asnis, A. Ya. (2017). Problema soglasovannoi ugolovno-pravovoi politiki gosudarstv-chlenov EAES v sfere bor'by s kommercheskim podkupom. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*, (3), 335-341. (in Russian).
5. Zaitseva, V. D., & Tararyshkina, L. I. (2019). Napravleniya unifikatsii zakonodatel'stva o tamozhennykh pravonarusheniyakh v gosudarstvakh-chlenakh EAES. In *Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika* (pp. 180-185). (in Russian).
6. Kazantsev, A. (2017). Nezavisimaya Kirgiziya i Rossiya: nastoyashchee i budushchee. Maneviruyaya mezhdru Rossiei i Zapadom. Evolyutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Moscow. (in Russian).
7. Paramonov, V. V., Strokov, A. V., & Abduganiva, Z. A. (2017). Vliyanie Evropeiskogo Soyuza na Tsentral'nyuyu Aziyu: obzor, analiz i prognoz. *Almaty*. (in Russian).

8. Smykov, S. I. (2009). Ugolovno-pravovye mery bor'by s prestupleniyami, svyazannymi s proizvodstvom i obrotom kontrafaktnoi produktsii. *Obshchestvo i pravo*, (1 (23)), 209-214. (in Russian).

9. Aizhigitov, D. A. (2019). Osobennosti proizvodstva po primeneniyu mer ugolovno-pravovogo vozdeistviya k yuridicheskomu litsu. Bishkek, 21-22. (in Russian).

10. Sheirenov, Zh. N. (2020). Osnovaniya priznaniya yuridicheskogo litsa sub"ektom ugolovnoi otvetstvennosti za korrupsionnye prestupleniya. *Pravo i politika*, (7), 92-104. (in Russian).

11. Chuchaev, A. I. (2021). Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Moscow. (in Russian).

12. Minin, R. V. (2009). Problemy formirovaniya instituta ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v Rossii. In *Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora za ispolneniem ekologicheskogo zakonodatel'stva v toplivno-energeticheskom komplekse: Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tyumen'*. (in Russian).

13. Neklyudov, N. A. (1875). *Obshchaya chast' ugolvnogo prava (konspekt)*. St. Petersburg. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 15.01.2023 г.*

*Принята к публикации
22.01.2023 г.*

Ссылка для цитирования:

Иманкулов Т. И., Асилбеков А. Ы. Уголовная ответственность юридических лиц в Киргизской Республике по Уголовному кодексу Киргизской Республики от 2 февраля 2017 года №19: необходимость установления или очередное плановое вредительство? // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №2. С. 262-282. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/32>

Cite as (APA):

Imankulov, T., & Asilbekov, A. (2023). Criminal Liability of Legal Entities in the Kyrgyz Republic Under the Criminal Code of the Kyrgyz Republic Dated February 2, 2017, no. 19: The Need for Identification or Another Planned Sabotage? *Bulletin of Science and Practice*, 9(2), 262-282. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/32>